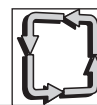

Проблема артефактов как case-study для практического реализма

В.В. ДОЛГОРУКОВ

Онтологическая повестка дня в разное время включала в себя разные задачи, решение которых порой заставляло пересмотреть не только принятые исследовательские стандарты, но и сами границы дисциплины. Скажем, решение онтологических проблем в философии математики в какой-то степени привело к возрождению психологизма, который, как казалось, был изгнан навсегда. Решение проблемы универсалий заставляло все чаще хвататься за бритву Оккама и заниматься, по выражению Куайна, бритьем платоновской бороды или же продираться с этим острым предметом сквозь густые мейнонговские джунгли. Но особо интересная ситуация сложилась вокруг онтологии артефактов, решение этой проблемы, кажется, способно заставить положить бритву Оккама обратно.

Если главный критерий хорошей онтологической теории – когерентность и простота, если задача онтологии состоит в том, чтобы выполоть «онтологические сорняки» (Куайн), то с проблемой артефактов вроде бы не возникает никаких трудностей. При таком подходе онтология является продолжением физики, поэтому артефакты либо сводятся к более простым физическим сущностям, либо объявляются несуществующими. Но если мыслить онтологию не как продолжение физики, а как продолжение здравого смысла, то артефакты относятся как раз не к сорнякам, а к ценным культурам, выпалывать которые просто опасно. Такой подход к онтологии связан главным образом с работами Л. Бейкер и получил название практического реализма. Объекты нашего повседневного опыта не рассматриваются ни как несуществующие, ни как сводимые к объектам физического микромира. Бейкер чужд редукционизму, для нее релевантности здравому смыслу и повседневному опыту важнее, чем приверженности науч-

ПРОБЛЕМА АРТЕФАКТОВ КАК CASE-STUDY

ным стандартам онтологической сдержанности: «Таким образом, я не вижу ничего подозрительного в том, чтобы утверждать, что и электроны существуют, и стулья существуют. Я не усматриваю никакого соперничества между электронами и стульями или между мозгом и отношениями – в независимости от того, включаются ли стулья (или отношения) в научную картину»¹.

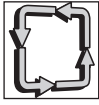
В вопросе об онтологическом статусе артефактов Бейкер предлагает альтернативу супервентному подходу. Артефакты отличаются от природных объектов как минимум тремя характеристиками. Во-первых, артефакты онтологически (а не только каузально) зависят от намерений человека. Во-вторых, артефакты интенционально зависимы от человеческого сознания («ничто не могло бы быть карбюратором в мире, лишенном интенциональности»). В-третьих, артефакты в отличие от природных объектов обладают определенной функцией, связанной с человеческими убеждениями, желаниями и намерениями.

Таким образом, идентификация объекта происходит через его каузальные возможности (causal capacities) и функции². Конституирование (constitution) является отношением между объектами различного рода (в отличие от отношения тождества), а именно, представляет собой отношение между объектом и его материальным основанием. Нужно отметить, что это не отношение части и целого (если x конституирует y в момент t , то x не является частью y в момент t). Такой подход позволяет избежать редукционизма, так как делает артефакты конститутивно производными, но не сводимыми к их физическим составляющим.

Нужно оговориться, что здесь присутствует определенного рода конвенция по поводу того, что считать типичным артефактом. К примеру, тот же карбюратор, безусловно, будет типичным артефактом, а такие объекты, как генно-модифицированные растения, – в меньшей степени. То есть характеристика прототипического артефакта – невозможность взаимодействия с типичными природными объектами. (В силу того что артефакты встроены в определенную структуру опыта, типичным артефактом является то, что можно было бы описать словом «вещь».) Но несмотря на то что граница между артефактами и природными объектами не всегда является четкой, это не мешает рассматривать и то, и другое как базовые элементы онтологии. Для практического реализма артефакты являются неустранимым элементом нашей онтологии и, более того, любое появление нового артефакта, любое изобретение (печатный станок, телескоп, велосипед и т.д.) делает мир онтологически богаче.

¹ Baker L. *The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism*. Cambridge, 2007. P. 239.

² Каузальные возможности понимаются достаточно широко. К примеру, одна из каузальных возможностей флага – вызывать слезы у ветерана.

Артефакты и формальная онтология: от практического реализма к реальной практике. Стратегия обоснования практического реализма состоит в том, что он по своему замыслу является экспликацией онтологии здравого смысла (т.е. по сути продолжает онтологический проект П. Стросона). Но еще большее подкрепление практический реализм получает, сталкиваясь с практическими запросами по созданию онтологий. При этом, с одной стороны, переход к реальной практике по-новому ставит проблему границ онтологии, почти выводя онтологию из поля философии³. С другой стороны, формальные онтологии в сильной степени зависят от философских предпосылок.

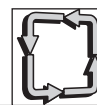
То, как конститутивный подход к артефактам повлиял и на формальные онтологии, хорошо заметно на примере работы «Artefacts in Formal Ontology»⁴. Статья посвящена формальному описанию свойств артефактов, пригодному для интеграции в существующие системы компьютерной онтологии (при этом напрямую используется конститутивный подход Бейкер). Из различных вариантов онтологий была выбрана архитектура DOLCE (Descriptive Ontology for Linguistic and Cognitive Engineering)⁵. Аксиоматика артефакта основана на характеристиках конституирования, функций и интенциональности. Категория артефактов задается 14 аксиомами, эксплицирующими главным образом процедуру конституирования, это позволяет описать артефакты именно как отдельную категорию, а не как класс, являющийся пересечением различных категорий. Причем авторы настаивают на том, что когерентной может быть только философски мотивированная модель артефакта. Возможность подобного подхода, как мне кажется, указывает на то, что в формальной онтологии именно практический реализм стал негласным методологическим стандартом⁶, что наносит еще один серьезный удар по позициям номинализма и редукционизма.

³ Скажем, Б. Смит утверждает, что онтология отделилась от философии (как, к примеру, психология в свое время) и стала отдельной дисциплиной со своей повесткой дня и своими методами. Современная онтология – это та же самая дисциплина, что и во времена Аристотеля или Канта, но на современном этапе понадобились принципиально новые средства для решения старых задач, поэтому можно говорить о начале автономного существования онтологии.

⁴ Borgo S., Vieu L. Artefacts in Formal Ontology // Handbook of Philosophy of Technology and Engineering Sciences ; ed. A. Meijers (to appear). P. 273–308. – [ftp://ftp.irit.fr/IRIT/LILAC/BV-HBPT09.pdf](http://ftp.irit.fr/IRIT/LILAC/BV-HBPT09.pdf).

⁵ Проект DOLCE разрабатывается в качестве модуля для библиотеки онтологий Wonder Web Project (<http://www.loa-cnr.it/DOLCE.html>). Его задача – описание онтологии, лежащей в основе естественного языка и близкой здравому смыслу.

⁶ Возможно, следует оговориться, что применительно к компьютерным онтологиям практический реализм сталкивается с вычислительными ограничениями. Дело в том, что онтологически «богатые» языки безусловно являются очень удобными, но могут наталкиваться на вычислительные сложности. В этом смысле компьютерные онтологии представляют собой прикладные подходы в рамках формальной онтологии.

Проблема артефактов и границы онтологии. Проблема артефактов приводит нас к пониманию того, что в действительности трудно жить в суровом куайновском мире и при этом чувствовать себя комфортно. Насколько бы онтологический консерватизм ни был последовательным, желание оперировать минимальным набором сущностей оказывается крайне неудобным: с точки зрения практического реализма, редукционистская онтологическая диета оказывается очень скудной – нельзя сидеть на хлебе и воде, когда требуется более питательный онтологический рацион. В проблеме артефактов трудно довольствоваться простыми, если не грубыми решениями (нельзя лихо по-неокантиански просто разделить мир на природу и культуру, так же как и по-картезиански на *res cogitans* и *res extensa*). Но при этом следует быть осторожным и, предаваясь умножению сущностей, все-таки последовать совету Б. Рассела и сохранять чувство реальности (к примеру, осознавать, что единорог существует, а единороги – нет). Но здесь следует пойти за Бейкер и здравым смыслом и, соглашаясь с практическим реализмом, продолжать жить в причудливом, но привычном мире, где существуют карбюраторы и электроны, артишоки и артефакты и даже справедливость и дружба. Только во всем этом богатом разнообразии метафизическом хозяйстве нужна не просто видимость порядка, а высокотехнологичная система инвентаризации и обработки данных. Как мне кажется, все это и должно составлять повестку дня современной онтологии.